

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОТ ФИЛОСОФИИ – К ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА*

“Серебряный век” подарил российской культуре имя Ивана Ивановича Лапшина – мыслителя-гносеолога, эстетика, науковеда. Имя – не столь широко известное современному читателю по сравнению с именами таких его современников, как П.Д. Юркевич, Н.А. Бердяев или С.Н. Булгаков, но не менее значимое для истории отечественной философии и человекознания. Несмотря на явно профессионализированное название и избранный автором жанр, рецензируемую книгу с полным основанием можно считать фундаментальным исследованием по психологии творчества.

Это легко признать, уже познакомившись в послесловии с лапидарно изложенной В.Ф. Пустернаковым биографией Лапшина. Лишь один ее штрих (возможно, в большей степени символическое совпадение): отец мыслителя – исконно русский, мать – англичанка, носительница культурной традиции, для которой философское размышление и теоретико-психологический дискурс долгое время выступали как нечто слитое друг с другом почти до неразличимости.

Но имеются и более серьезные речательства того, что о творчестве и его зримом плоде – изобретении (которое Лапшин трактует не с точки зрения узкого техницизма, а с широких логико-гносеологических и философско-антропологических позиций) в книге говорится, в том числе, и на языке психологии. Прежде всего нужно упомянуть об опыте ученичества у А.И. Введенского, крупнейшего русского неокантианца. Вообще, неокантианство в России, его влияние на гуманитарное знание, особенно на психологию – особый, очень интересный и в чем-то даже захватывающий сюжет. Не располагая возможностью развивать его здесь, ограничимся одним замечанием.

В истории как западной, так и русской философии неокантианство всегда имело своим следствием *психологизм* во взглядах на природу человека, его культуры, сознания и т.д. Но в западном варианте психологизм чаще всего выступал как форма простой *редукции* многомерной человеческой реальности к одному из ее “измерений”. При этом психологический редукционизм легко и внутренне непротиворечиво дополнялся логичес-

ким, социологическим и пр. Пафос же психологизма русской философии – в утверждении примата единого духовно-душевного начала в бытии. В этом плане он был, скорее, ближе к лейбницианству и неолейбницианству, чем к западному неокантианству первой трети XX столетия, хотя во многом также являлся развитием учений Канта (заметим: в этом плане он был ближе и к самому “аутентичному” Канту).

Введенский, как известно, разрабатывал проблемы психологии “без всякой метафизики”. И тут Лапшин следует своему учителю. Одна из его первых крупных публикаций носит весьма красноречивое название – “О трусости в мышлении (этюд по психологии метафизического мышления)” (1900). Лейтмотив философских трудов Лапшина – острая и основательная критическая рефлексия метафизики. Но отказ от метафизики – вполне в духе Канта – звучит в них как отказ от натурфилософского способа мышления. Последний полагает мир вещей безотносительным к формообразующей силе человеческого действия и сознания и одновременно “овещает” само “человеческое в человеке” (для метафизики оно мыслится лишь вещью среди других вещей). Творящая субстанция и сотворенное бытие предстают у Лапшина как развивающееся самодетерминированное целое. Так было у Канта, так было и до него – у Спинозы, а после – у Фихте, Шеллинга, Гегеля и Маркса. Эта линия получила свое продолжение в опытах философской и гуманитарной мысли прошлого столетия. По-своему она представлена в концепции познания как конструирования Дж. Дьюи, отчасти в прагматизме Ч. Пирса, в теориях действия М. Вебера и Ж. Пиаже, в различных версиях деятельностного подхода в отечественной и зарубежной психологии, в последние десятилетия – в “социологии действия” Алена Турена и др.

В России эта рационалистическая линия развертывалась в особой канве поисков непреходящих смыслов бытия, “разумность” (в гегелевском понимании) которого во многом измерялась в нравственных категориях. Так, неогегельянец И.А. Ильин включал в свою социально-философскую конструкцию типично “русскую” идею “свободно созерцающего сердца”. Кстати, с создателем “метафизики сердца” П.Д. Юркевичем Лапшина связывало прямое общение, которое не осталось для него бесследным. Изначальная нравственно-смысловая интенция целостного

* Рец. на кн.: *Лапшин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии. Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с. (серия “Мыслители прошлого”).

философского мировоззрения Канта (утраченная неокантианцами) явно резонировала с умонастроениями российских мыслителей. Это прослеживается не только в произведениях классиков “русской нравственной философии”, но и в трудах М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна (его программная статья “Принцип творческой самостоятельности”, как и книга Лапшина, впервые увидела свет в 1922 г.; причем, они созвучны по ряду положений), Э.В. Ильенкова и др. Если Лапшин писал о “трусости в мышлении”, то Рубинштейн – о “мужестве познания”, а Ильенков – о “мужестве мысли”. Это – типичные и симптоматичные для отечественной традиции метафоры, которые, быть может, обретут когда-нибудь свое понятийное оформление.

Примечательно, что сочинение Н.А. Бердяева “Смысл творчества. Опыт оправдания человека”, опубликованное за пять лет до завершения труда Лапшина, последним демонстративно не упоминается. Сам Лапшин помещает свою книгу в ряд таких “введений в философию” конца XIX – начала XX вв., которые с равным основанием правомерно рассматривать и как введение в психологию. Этот ряд представлен работами В. Вундта, О. Кюльпе, У. Джеймса, Г. И. Челпанова (сюда бы следовало добавить и труды В. Дильтея). Бердяев же никогда не работал в подобном жанре.

Традиция такой философской психологии – или же психологической философии – с 1930-х гг. у нас была прервана. Впрочем, и в Новом Свете она, видимо, могла бы остановиться на Дж. Дьюи, если бы туда не эмигрировал Э. Фромм, а в Старом – поддерживалась немногочисленными учеными – К. Ясперсом, Ж. Пиаже (в качестве автора “Генетической эпистемологии”) и др. Возобновление этой традиции в 1957 г. знаменовал собой выход книги С.Л. Рубинштейна “Бытие и сознание”, а в 1973 г. – публикация его же неоконченной рукописи “Человек и мир”.

Книга Лапшина – введение не только в философию и психологию творчества, но и в ту область знания, которую можно назвать феноменологией изобретения. Один из наиболее “строгих” – в плане всестороннего обоснования своих выводов – мыслитель, теоретик (именно – теоретик, а не эмпирик-позитивист!) Лапшин органически не принимал недокументированной философии творчества. А большинство таких документов – *психологичны* не в смысле указания на мистическое озарение или случайное совпадение, а по сути – и тем более интересны и значимы. Этим и определялось отношение Лапшина к Бердяеву. Труд Бердяева – яркое философское эссе (как и большинство его книг и статей) о творчестве, за которым стоит целая шеренга подобных работ символистов, но очень уж мало убедителен он для ученого, тем более представителя специальной

дисциплины... Труд Лапшина – как бы прозаичнее, но зато куда продуктивнее.

“Философия изобретения...” состоит из 2 томов и 12 глав, ключевое слово “творчество” содержится в названии 8 из них. Но важно другое: творчество для Лапшина – не только некое озарение (хотя соответствующие психические состояния, к примеру, Терезы Авильской тщательно им “анатомируются”, а творческий процесс подвергается всеохватывающей реконструкции). Творчество “вообще” для него – скорее *психотехника*, если можно так выразиться, “высшей пробы”, анализ которой вооружает инструментом “идеальной реконструкции творческого процесса в науках и философии в его типических формах” (с. 336). Эта емкая формула задает и структуру книги, и форму изложения материала.

Лапшин дает и определение изобретения как результата синергии сложной совокупности психологических феноменов: с одной стороны, стремления к удовлетворению житейских нужд, с другой, – свободной игры творческого воображения, с третьей, – умственного эксперимента. Итогом этой синергии становится запуск механизма изобретательности (с. 31–33). Автор вводит понятие “философской потребности” в изобретении. Эта потребность связана с необходимостью дать разумные ответы, сформулированные в античности Пирроном и модифицированные Кантом: “Из чего состоят вещи?”; “Какое отношение к ним мы должны себе усвоить?”; “Какую выгоду получают те, которые выполняют это?” (в кантовской “редакции”); “Что я могу знать?”, “Что я должен делать?”, “На что я могу надеяться?”. Это потребность наряду со “страстью удивления”, недовольством привычностью сложившегося образа мира, тягой к интеллектуальной гармонии и возникновением новой, пока лишь смутной и недифференцированной, мировоззренческой перспективы Лапшин трактует как импульсы изобретательства.

В книге речь идет в первую очередь о философском изобретении в его отличии от изобретения религиозного, художественного и специально научного. Но фактически оно соотносится не столько с продуцированием философских идей, сколько с созданием широких моделей действительности. Тем самым и философское дарование – это способность осмыслить не только то, “как это происходит”, но и то, “как это нужно сделать”. Эта исследовательская установка вполне отвечает “духу современности”, в частности – деятельностных представлений в философии и психологии.

Вообще, многие положения работы Лапшина, выраженные в терминах старого языка, сегодня звучат очень и очень актуально. Таков, к примеру, его взгляд на проблему “пробуждения призвания” человека-творца. Изобретение – это продукт непрерывной аккумуляции факторов среды

(на чем настаивают, по словам Лапшина, психологи-“коллективисты”), или – прерывный момент индивидуального творчества (по утверждению “индивидуалистов”)? Целостность, единство того и другого, – дает свой ответ Лапшин. То же касается роли наследственности (очень важно, что автор не втягивается здесь в бесплодную дискуссию на тему “наследственность и среда”, бывшую таковой уже для его времени, хотя в тех или иных “рецидивных” формах возобновляющаяся и поныне). Приводятся наблюдения о том, что “благоприятные комбинации воображения” возникают чаще у детей, родители которых имеют разное этническое происхождение. Лапшин подчеркивает значение “высокой болезненности”, сопровождающей процессы творчества (в 1923 г. Б.Л. Пастернак опубликует поэму “Высокая болезнь”), социального спроса на изобретение, который определяется прежде всего географическими обстоятельствами и экономическими условиями, школьного и “книжного” образования в становлении и закреплении одаренности. С опорой на интегральный подход автор психологически обосновывает и своеобразную формулу процесса изобретения: “Всякое изобретение есть усовершенствование, но заключающее в себе рядом с моментом непрерывности, постепенности и черту творческую – прерывность, ибо комбинируются в новом синтезе элементы предшествующего изобретения качественно новых порядков” (с. 29).

Генезис способности к изобретению, продолжает Лапшин, также носит непрерывный и интегральный характер. При этом изобретательность детей, прошедшая затем через горнило “кризиса сомнений”, воплощается в *творческой памяти* (по Платону, такая память могла бы включать в себя продуктивный процесс – анамнезис) – предпосылке и спусковом механизме изобретения, в *творческом воображении*, которое переконструирует и воссоздает реальность в образах и моделях, наконец, в *творческой мысли*. “Непрерывность” и “прерывность” – ключевые и равнопрочные характеристики творческой мысли: первая трактуется как концентрация (в чем-то сопоставимая с подражанием), вторая рассматривается как “прорыв” к интеллектуальному разрешению проблемы и технологическому воплощению идеи.

Особое место в своем исследовании автор отводит проблемам творческой воли (которой в основном посвящен второй том издания, где детально анализируются механизмы последней), а также творческого эроса и “творческой интуиции” (этот термин взят в кавычки, ибо в глазах “простодушного обывателя” ассоциируется с чудесным ясновидением, прозрением и т.п.). Наряду с этим в них автор анализирует такие пути в философии изобретения, как рационализм, мистицизм и эмпиризм.

Пересказывать богатое содержание соответствующих глав – занятие длительное, тем более, что сказанное Лапшиным в нескольких предложениях в принципе легко развернуть в некий трактат. Отметим лишь, что в наибольшей степени насыщенная глубоким и оригинальным содержанием глава о генезе творческой воли написана, можно сказать, на пике интереса к данному понятию. Однако в те годы, когда автор создавал свое сочинение, в философии и специальных науках явный акцент ставился на мистическом происхождении воли (в ее сопоставлении, например, с бергсоновским *elan vital* – жизненным порывом, освобожденным от рациональности аффектом, работой бессознательного и т.д.). Вопреки умонастроениям своего времени Лапшин исследует более “прозаичные” механизмы и формы проявления творческой воли. В их числе: психическое замещение и аффективные интенции (рецептивного, репульсивного и конструктивного характера), “квазиэлементарное” любопытство, “скудная” коллекционерская склонность, общительность и способность к продуктивному самосохранению. Психологи изучали многие из этих механизмов по отдельности – Лапшин же построил целостную “непрерывно/прерывную” их картину, продуктивный образ “Единого Творческого Акта” (с. 297). Особенно тщательно просматривалось им действие в процессе творческого воления механизмов перевоплощаемости, сугубо деликатно – сексуального влечения (обойдя работы З. Фрейда, о котором Лапшин, конечно же, знал).

Умело “разоблачает” Лапшин и иллюзии творчества, всегда густой тенью следующие за подлинными открытиями, изобретениями, когда акты нечувственного мышления подменяются ассоциативной цепью образов или слов, окрашенных излишней субъективной уверенностью в его правильности (“дурной креативностью” – сказали бы мы).

Приведем последнюю и в известной степени результирующую цитату: “Чтобы психотехника научного и философского творчества когда-нибудь осуществилась, для этого предварительно в течение многих лет должны быть выполняемы следующие подготовительные работы:

1. Должен быть собран и исследован психографический материал, заключающийся в данных по *истории наук, техники и философии* (здесь и далее курсив наш. – И.Е., В.К.).

2. Должны быть использованы показания изобретателей, относящиеся к творческому процессу и дающие материал для характерологических исследований с широким применением не только наблюдения, но и *эксперимента*.

3. Интеллектуальное изобретение, его механизм, должен быть исследован ... в *самых различных масштабах, начиная с микроскопического*.

4. Интересно исследовать *патографические* данные: иллюзии философского и научного творчества и их механизм (двумя-тремя годами позднее на эту тему будут опубликованы работы психоневрологов В.М. Бехтерева, В.Ф. Чижана и др. – И.Е., В.К.).

5. Такая работа осуществима лишь путем *дружественной кооперации ученых разных специальностей* – философов, врачей, психиатров, техников.

6. Вся работа должна быть освещена *единой руководящей философской идеей*” (с. 338).

Уже из этой цитаты видно, что автор, по сути, очерчивает философски обоснованную полидисциплинарную программу исследования творчества, которая опирается на принципы историзма, системности, развития. Все это – более чем актуально и сегодня. Но все это и сегодня в большей мере остается в плане долженствования.

Заметим, что отечественные исследователи проблематики творчества конца XX столетия не обошли своим вниманием Лапшина и его книгу. Упоминания о ней мы находим в работах Я.А. Пономарева, Т.В. Кудрявцева, Г.С. Альтшуллера, В.М. Мухачева и др., но упоминания носят пре-

имущественно “справочно-отсылочный” характер. И авторы, видимо, отчасти правы: интерес в его работе вызывают не конкретные способы решения конкретных проблем. С точки зрения сегодняшнего исследователя творчества, значим в первую очередь заданный в ней образец *методологического анализа*, отвечающий самым жестким требованиям *научной конкретности*. Для современной российской психологии с ее обозначившимся (спустя десятилетия после Запада) креном в позитивизм уроки, извлеченные из книги Лапшина, могут оказаться чрезвычайно своевременными и полезными.

Иван Иванович Лапшин не только определил перспективные исследования творчества и изобретения, но и далеко продвинулся в них. Можно сказать, что он вполне успешно изобрел науку об изобретении, и с этих позиций его книга, прости-те за избитое выражение, опередила свое время. Хочется верить, что к началу нового века она как раз стала востребованной.

И.Е. Евгенийин,
кандидат философских наук,
В.Т. Кудрявцев,
доктор психологических наук

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ “ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ”

Педагогика всегда была одной из основных сфер приложения психологических знаний. Эти знания успешно применяются как в теории обучения и воспитания, так и в практической деятельности педагогов и психологов, занятых в сфере образования.

Учитывая возрастающие запросы практики, книжный рынок предлагает все больше конкурирующих друг с другом учебников по педагогической психологии. Увеличение числа подобных учебных пособий и монографий вполне соответствует духу рыночных отношений и здоровой конкуренции. В конце концов, именно рынок с его основным двигателем – спросом – производит естественный отбор наиболее удачных экземпляров и способствует их выживанию, поэтому рост количества однотипной по содержанию психологической литературы является для потребителя не столько бедой, сколько благом. Однако же – не всегда.

Стремление как можно быстрее завоевать рынок, оказаться на нем первым или одним из первых в данной области способствует не только появлению огрехов в работе издательств, но и совершению рядом авторов и издательств недобросовестных действий, если не сказать – преступлений.

Неточность, подобная той, которую допустило издательство “ЭКМО-Пресс”, назвав на об-

ложке и титульном листе известного психолога и психиатра Андрея Евгеньевича Личко почему-то Александром, в какой-то степени простителен. Всем понятно, что эту книгу (“Типы акцептуаций характера и психопатий у подростков”. М., 1999) данное издательство “сильно быстро делало”, поэтому и ошиблось. (Хотя факт проявления неуважения к имени известного русского ученого должен быть подвергнут порицанию.)

Однако оказывается, что в нашем издательском деле происходят вещи гораздо менее безобидные и более прискорбные. Речь в данном случае пойдет об учебном пособии для студентов высших учебных заведений “Педагогическая психология” Людмилы Дмитриевны Столяренко, вышедшем в издательстве “Феникс” в Ростове-на-Дону в 2000 г.

Само по себе появление этого учебника в указанном выше контексте – явление отрадное. В нем достаточно полно представлены различные разделы педагогической психологии. Беда заключается в том, что читатель вводится в глубочайшее заблуждение относительно авторства текста этого учебника или, по крайней мере, многих его фрагментов.

При чтении этого учебника внимательный читатель вскоре может обнаружить полное сходство частей текста с фрагментами другой, издан-

ной, правда, годом раньше книги А.А. Реана и Я.Л. Коломинского “Социальная педагогическая психология” (СПб., “Питер”, 1999).

В учебнике Столяренко мы встречаем не просто пересказ идей двух крупных отечественных психологов, добытых ими фактов и разработанных ими методик без ссылок на авторство, но полное тождество текстов без каких-либо указаний на заимствование.

Например, в разделе о мотивации и учебных мотивах (стр. 173–180 рецензируемой книги) можно найти дословно воспроизведенные (даже не предложениями и абзацами, а огромными кусками!) фрагменты текста книги Реана и Коломинского (стр. 56–60, 62–63). Текст, посвященный локусу контроля (стр. 190–195) также полностью идентичен оригинальному тексту (стр. 92–102). Тождественны фрагменты на страницах 195–196 и 198–200 одного текста и страниц 47–54 другого, оригинального. Всего можно насчитать десять подобных крупных заимствований, и это совпадение только с одним оригинальным текстом. Может быть и все остальное Столяренко беззастенчиво заимствовала? Может быть. Не хочется заниматься подобными изысканиями. Пусть этим занимаются авторы предшествующих изданий и, как говорятся, компетентные органы.

Меня как автора, естественно, беспокоит не только моральная и юридическая сторона факта беспардонного плагиата, но и вопрос безопасности собственных текстов, какой бы степенью известности они ни обладали. Если уж работы таких известных психологов не защищены от посягательств, то что делать авторам небольших публикаций – статей, авторефератов? А ведь именно в подобных публикациях нередко можно найти весьма оригинальные идеи и ошеломляющие факты. Наука, как известно, создается умами многих, но каждая идея имеет своего автора, и это должно уважаться, по крайней мере, соответствующими ссылками.

То, что мы находим в обсуждаемом учебнике не может быть оправданно ничем. Понятно, то текст учебного пособия – особый. Он, конечно, должен быть максимально уясняем и не должен засоряться большим количеством ссылок. Однако это правило, как мне кажется, верно только в отношении устоявшихся, укоренившихся в научных кругах и общественном сознании знаний. Нет, например, нужды постоянно ссылаться на авторство идеи о вращении Земли вокруг своей оси. Но даже в этом случае, впервые знакомя детей с этим знанием в школе, учитель обязан познакомить и с их автором, отдавая дань памяти ученому.

Ссылки на авторство в рассматриваемом случае являются необходимыми не только по соображениям закона и этики, но и потому, что рас-

смотрение многих вопросов в заимствованных фрагментах является действительно авторским, и поэтому специфическим. Если бы Столяренко сама писала данный учебник, она при достаточно большом отпущенном ей объеме текста была бы просто обязана познакомить студентов и с некоторыми иными точками зрения на проблемы для полноты картины. Например, в вопросе о роли самооценки в структуре Я-концепции она должна была бы указать что в интерпретации Т. Шибутани самооценка является всего лишь одним из равных ей по значению в организации Я-концепции параметров (“измерений”). То же можно сказать и о некоторых других вопросах. Однако поскольку плагиатор попросту списала текст у упомянутых авторов, она соответственно сузила и содержание предоставляемой студентам информации.

Кто должен отвечать за плагиат и публикацию этого учебника? Ответ на этот вопрос должен дать суд, если таковой состоится. Виновато, конечно, и издательство “Феникс”, и рецензент этого учебника профессор Н.К. Карпова, но мне кажется, что основная вина по понятным причинам лежит на авторе.

Юридическая сторона обсуждаемой здесь проблемы находится вне моей компетенции: я психолог. Но обсуждать моральную сторону этого вопроса я имею право. Изучение педагогики (в том числе, и в высшей школе) включает, как известно, не только обучение специальным знаниям, но и нравственное воспитание студентов. Один из методов такого воспитания – пример нравственного поведения. Учебник как средство педагогического воздействия также выполняет эти функции. В связи с этим хочется задать риторический вопрос: “Пример какого рода нравственного поведения подает студентам вузов Людмила Дмитриевна Столяренко, публикуя плагиаторский учебник?” Не является ли это примером вопиющего нравственного противоречия? Ведь плагиат, совершенный автором, содержится в учебнике “Педагогическая психология”!

Завершить это письмо следует словами: “Авторы научных текстов – будьте бдительны, а студенты – внимательны”. Но я бы призвал и к другому: “Авторы – будьте добросовестны!”

С.И. Розум, кандидат психол. наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
личностного и профессионального развития
факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного
университета

ЯРОШЕВСКИЙ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

22 марта 2001 года в г. Лос-Анджелес на 86-м году жизни после продолжительной болезни скончался один из выдающихся российских психологов, доктор психологических наук, профессор, почетный академик Российской академии образования Михаил Григорьевич Ярошевский.

М.Г. Ярошевский родился 22 августа 1915 года в г. Херсон (Украина). В 1937 г. окончил Ленинградский государственный педагогический институт, обучаясь в котором уже с 1934 г. учителем в средней школе. С 1937 г. он – аспирант С.Л. Рубинштейна на кафедре психологии. Однако продолжить аспирантуру и работу в школе ему не пришлось. В феврале 1938 г., в господствовавшей тогда атмосфере массовых политических репрессий, Ярошевский был арестован органами НКВД как якобы один из членов террористической организации. Более года он находился в “Крестах”, ожидая своей участи. Впоследствии, при пересмотре дела, он был (как и некоторые другие по этому сфабрикованному обвинению) освобожден. В 1939 г. благодаря содействию

Рубинштейна он восстановлен в аспирантуре (см. о ленинградском периоде жизни в его статье “Четверть века с выдающимся советским ученым” в сб. “Сергей Леонидович Рубинштейн: очерки, воспоминания, материалы”. М.; 1989).

В 1945 году, окончив под руководством С.Л. Рубинштейна аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию на тему “Учение Потебни о языке и сознании”, он начал свою самостоятельную научную деятельность в секторе психологии Института философии АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. Одновременно преподавал на кафедре психологии в Московском государственном университете, читая лекции по истории психологии. В период с июня 1951 по июль 1965 г. Ярошевский работал в Таджикистане, где организовал и возглавил кафедры психологии в Ленинабадском, Кулябском Душанбинском пединститутах и лабораторию экспериментальной психологии в Таджикском госуниверситете. В 1962 г. он защитил в качестве докторской диссертации свою первую монографию “Проблема детерминизма в психофизиологии”, а в 1963 г. получил звание профессора психологии.

Дальнейшая трудовая деятельность Ярошевского была связана – благодаря Б.М. Кедрову – с Институтом истории естествознания и техники Академии наук (1965–1998 гг.): с августа 1965 г. – старший научный сотрудник ленинградского отделения ИИЕТ, а с октября 1968 г. – зав. сектором психологии научно-технического творчества (позднее преобразованный в сектор социальной психологии науки) и главный научный сотрудник института (г. Москва).

М.Г. Ярошевский – ученый с ориентацией на междисциплинарные исследования. Он внес существенный вклад в развитие таких областей знания, как история и теория психологии, психология научного творчества, психология науки, социальная история науки и науковедение.

Им опубликовано около 300 научных работ, прежде всего, по истории и теории психологии. В их числе “История психологии” в 3-х изданиях (1966, 1976, 1985), “Психология в XX столетии” (1971, 1974), “Развитие и современное состояние зарубежной психологии” (1974; совместно с Л.И. Анцыферовой), “Историческая психология науки” (1993), “Уолтер Кеннон” (1976; совместно с С.А. Чесноковой), “История и теория психологии” в 2-х томах (1996; совместно с А.В. Петровским). Ярошевский впервые в истории отечественной психологии проанализировал эволюцию основных